

«Избитый до полусмерти» потерпевший, которого «вывозили в темный лес», «стреляли в упор в лицо», которого «пытали» и «душили» требует с «омской ОПГ Зазы Саджая»... 72 тысячи рублей. Никаких иных претензий к «насильникам» у него... не имеется!

Третье судебное заседание прошло под высоким эмоциональным напряжением всех участников. В зале то и дело вспыхивали жесткие словесные перепалки. От адвокатов досталось и судье Андрею Гужину, и прокурору Ольге Сухомлиновой, и даже... секретарю, которая неоднократно пыталась руководить судебным процессом и одергивать вконец «распоясавшихся» защитников!

Чуть не забыл «главное»!

Гособвинение заявило ходатайство о допросе потерпевшего Александра Шантина. Явка лица была обеспечена. Вышедший за кафедру молодой человек представился и начал отвечать на вопросы прокурора. Настолько тихо и неуверенно, что уже через две фразы его хором прервали адвокаты и подсудимые:

- Ваша честь, ничего не слышно! Пусть говорит громче! У нас от таких показаний будут одни вопросы!

Судья попросил свидетеля говорить на тон выше, набирая для этого в легкие больше

воздуха. Слышно стало несколько лучше, но неуверенность голоса от этого не исчезла. Достаточно кратко Александр Шантин поведал свою историю.

В кафе «Лабиринт» к нему подошли ныне подсудимые Задворнов и Григорьев, попросили с ним выйти на улицу. Там посадили в автомобиль и вывезли в лес, где-то в районе Долины нищих. Там, в лесном массиве, они потребовали от него признаться в распространении наркотиков. Он ответил отказом. Тогда Александр Задворнов достал пистолет «марки ПМ» и выстрелил ему в лицо с близкого расстояния. У него зашумело в голове, заслезились глаза, на минуту перехватило дыхание. Затем он вытерся, сел в авто и они поехали в городок Нефтяников. Где-то в районе Ермака они подъехали к кафе. Оттуда вышло много людей. Двое еще сели к ним в машину, остальные в другое авто и они поехали. Он думал, что его везут домой или в кафе «Лабиринт», но его повезли на дачу.

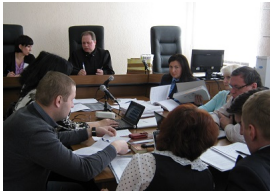
- В машине что-то с Вами было? – прервала свободный рассказ потерпевшего прокурор Сухомлинова. – Нет, ничего не было, - ответил, не задумываясь, Шантин. – На даче меня опять стали спрашивать про наркотики. Я все отрицал. Меня стали бить...

- А сколько человек приехало на дачу, - опять перебила свидетеля прокурор. – Человек восемь. Я точно сказать не могу, потому что у меня на голове был пакет... - Вы про пакет раньше не говорили. - Почему я говорил, - как на духу поправил сам себя потерпевший, вспоминая о событиях, которые уже раз десять в самых черных красках изложили даже местные СМИ.

Впрочем, на этом этапе даже столь откровенные подсказки прокурора и апелляция к памяти свидетеля не дали ровным счетом никакого ожидаемого эффекта:

- Кто Вам пакет на голову надел? – К сожалению, не помню кто... - Насилие было? – В принципе, нет... - Когда с Вас сняли пакет? – В самом конце, я не помню, то есть...

С этого момента свободный рассказ превратился в динамичный блицдиалог прокурора и потерпевшего. Развернутый вопрос о событии – практически односложный ответ, вопрос о событии – фактически односложный ответ... Поэтому изложу фабулу, как она получилась у собеседников.

По одну сторону баррикад...

На даче Шантина избивали 8-10 человек. Нанесли не менее 20 ударов по телу, голове, ногам и рукам. Требовали признаться в распространении наркотиков. Чувствуя, что теряет сознание, потерпевший сознался. По его собственному выражению, «пошел им навстречу». После этого бить прекратили, сказали, что теперь должен денег. Он согласился. Ему сняли с головы пакет. Он увидел Зазу Саджая, который объявил сумму долга в 50 тысяч рублей и сообщил ему, что он занимается плохим делом, и если хочет продолжить реализацию наркотиков, то должен платит ему деньги. Про торговлю свидетель ответил отрицательно, а 50 тысяч изъявил намерение отдать.

Все засобирались, опять надели пакет на голову. Доехали до ДК «Строитель», там постояли минут 15. Потом поехали к дому Шантина, ему скинули из окна телефон, паспорт, золотой браслет. На вопрос «зачем он все это предпринимал», Шантин ответить затруднился. В машине к нему никто насилие не применял, угроз не высказывал.

Подъехали к дому Шантина на Рокоссовского 4/1.

- Там была моя девушка, фамилии не помню. Она мне скинула брюки, паспорт, браслет...

- Почему Вам скинули брюки?

Активный диалог прокурора и свидетеля разорвали гневные реплики адвокатов и подсудимых: «на каком основании прокурор задает наводящие вопросы?», «создается впечатление что это прокурор дает показания!». Судья Гужин с трудом успокоил участников, пообещав, что у всех будет такая же возможность подробного допроса с

пристрастием. При этом, Фемида так превозносила полномочия гособвинения, что порой даже создавалось ощущение, что судья на процессе не более чем защитник... надзорного ведомства!

Миссия – «отдать всё»...

Потерпевший тем временем вспомнил, что на даче ему сильно разбили колено, кровь испачкала штаны, и их нужно было переодеть. После этого поехали в Нефтяники на улицу Заозерная, здесь в первом попавшемся ломбарде Шантин самостоятельно заложил браслет. Полученные 22 тысячи рублей он оставил на бардачке в авто. Кто взял деньги и как они делились между пассажирами, он не видел и не знает.

Потом опять поехали в район ДК «Строитель». Подсадили в авто Зазу и вернулись к дому Шантина на Левобережье.

По ходу движения его просили позвонить знакомому «Владимиру» и пригласить того на встречу. Время было 8 часов утра. Он позвонил, товарищ обещал подъехать, но после двух уточняющих звонков сообщил, что прибудет на машине в соседний двор, а потом и вовсе отключил телефон. Объехав соседние дворы, авто Володи нашли, но внутри никого не было. Шантин пошел было домой, но вспомнил, что у него дома еще имеется наличность. Он и ее отдал парням («где-то 5-7 тысяч рублей»). Эти деньги пошли в счет оговоренного ранее долга в 50 тысяч рублей.

После этого его отпустили, он поднялся к себе домой, умылся и лег спать.

Арсенал из «Поля чудес»!

Позднее он еще несколько раз встречался с членами ОПГ. Где-то через месяц ему позвонили и пригласили на встречу к ТЦ «Кристалл». – А зачем? – тут же поинтересовалась прокурор. – Я не помню... Там в материалах дела есть...

Далее свидетель окончательно потерял нить повествования. Как долго длилась встреча – не помнит, кто задавал вопросы – тоже. – Так их там всего-то было двое! - уже подвела к варианту 50 на 50 прокурор. – Заза, скорее всего, - наконец-то понял, чего от него хотят, свидетель. - С кем обсуждали сумму оставшегося долга? – Не помню, - опять не оправдал доверие Шантин. – Так кто Вам сказал, что долг 42 или 43 или 44 тысячи? – продолжала кружить вокруг нужной гособвинению фамилии прокурор

- Ваша честь, протестуем! – опять было встали на дыбы адвокаты. – Наводящие вопросы... Рассказ-то далеко не свободный...

- Когда Вы будете прокурорами, то будете первыми задавать вопросы, - обнадежил защиту перспективами судья (толи прокурор, толи следователь в прошлом?). – А оценки давать, давайте оставим за прерогативой суда, - пресек назревавший конфликт председательствующий.

- Я не помню, там имеется в материалах дела, - еще взбрыкнул потерпевший, но потом видимо, окончательно понял, что от него хотят самые главные на этом процессе лица:

- Скорее всего, это был Заза, диалоги ведь велись от его имени... - вслух рассудил свидетель.

Впрочем, ни угроз в свой адрес, ни насилия Шантин не вспомнил. - Так, торопили с отдачей остатка долга... И всё...

Пусть вернут деньги!

Затем потерпевший активизировался. И начал отдавать деньги частями. Три раза по 10-15 тысяч рублей. – Суммарно это сколько? – поинтересовалась гособвинитель. – Суммарно это как? - не понял вопроса свидетель. - В целом сколько получилось? - Тысяч 35-40, - прикинул в голове сумму чисел Александр Шантин.

В три приема он их отдал. Два раза на авто подъезжал Константин Григорьев, он ему оставлял деньги на бардачке. В третий раз приехал сам Заза. На БМВ седьмой серии – «цвет и номера не помню»...Ему он отдал – «точно помню» – 18 тысяч рублей.

На этом эпопея взаимоотношений господина Шантина и «омской ОПГ Зазы Саджая» заканчивается. Кто-то еще звонил свидетелю, предлагал встретиться, но под разными предложениями общения ему удалось избежать.

- Что в итоге? – Передал 72 тысячи рублей. Пятьдесят наличными, 22 тысячи – за браслет. – Потерпевшим себя считаю, средства пусть отдадут сообща, наказание – на усмотрение суда.

Даёшь равноправие!

С большим, видимым многими трудом свидетелю дались данные показания. На те или иные, как оказалось в дальнейшем, важные для следствия моменты память Шантина вывела только грамотная позиция гособвинения, которая, впрочем, с подачи адвокатов в судебных протоколах и возможных жалобах по инстанциям будет отражена не иначе как «наводящие вопросы» и «подсказки» свидетелю.

Самой же главной палочкой-выручалочкой стало публичное соотнесение сказанного свидетелем с имеющимися в уголовном деле протоколами допросов. Преподнесено это было в очередной раз как «снятие имеющихся противоречий в показаниях», но смыслом

было именно напоминание свидетелю о том, что он говорил или за него писали на следствии. Все это вылилось в большую и громкую ругань между сторонами процесса.

- Мы зачем здесь все сидим?! – возмущались адвокаты. – Судом нарушается главный основополагающий принцип судебного следствия – состязательность сторон. – Дайте нам возможность сначала задать вопросы, а потом уже оглашайте прежние показания!

- Есть очередность, прокурор хочет задать вопросы, и именно таким образом я не имею права отказать, – рьяно и однозначно защищал гособвинителя судья Гужинов.

- В УПК на этот счет ничего не говорится, но смысл судебного следствия именно в том, чтобы услышать непосредственные свидетельские показания и услышать ответы на вопросы в связи с этим. Без предварительного информирования... - пытался убедить Фемиду адвокат Евгений Забуга.

- Все, что касается состязательности сторон, в данном судебном процессе это не соблюдается, – резюмировала недовольство коллег адвокат Оксана Кобец.

- Ваша позиция будет отражена в протоколе, - невозмутимо, но как-то заметно погрузневши ответил судья.

Что случилось с Вовой?!

Свою долю закономерного скепсиса и негатива защита выместила в многочисленных вопросах уточняющего, ироничного и даже оценочного свойства в адрес «основного свидетеля гособвинения».

Больше всего досталось некоему «Вове». Именно на немедленную встречу с ним настраивали Шантина «вымогатели из группировки Зазы» в день «первого знакомства». – Кто это? – В каких Вы с ним отношениях? – Как хорошо знаете? – сыпали вопросами

каждый из адвокатов по очереди, по кругу, и по второму.

Сначала свидетель как бы забыл фамилию друга «Вовы», который в 8 часов утра по первому его звонку выдвинулся к нему на встречу. Не забывая при этом применить все возможные меры безопасности: контрольные созвоны, парковка авто за квартал от места встречи, скоропалительное и своевременное исчезновение и, наконец, вырубленный мобильник. Возможно, это стечение обстоятельств, память подвела, зарядка батареи сотового иссякла, но все-таки Александр Шантин вспомнил, что Владимир Дюков (это был он!) это тот, кого недавно «приняли правоохранительные органы с наркотиками», тот, с кем он «провел года полтора общего времяпрепровождения», с кем он «общался на отвлеченные темы» и «играл в бильярд».

- Вы читали Бальзака? – огорошил напоследок подавленного свидетеля адвокат Забуга.
– Кто это?! – только успел вставить Шантин. – Так вот у этого писателя есть такая сентенция: «Ничто не сближает нас так сильно, как наши пороки». И вопрос следующий из этого: так что же все-таки вас всех связывало. Друзей Комшилова, Казановского, Шантина и примкнувшего к ним Дюкова. Почему именно вы все попали в поле зрения подсудимых?! Не можете предположить хотя бы?!

Ничего вразумительного ответить потерпевший не смог. Впрочем, прямой вопрос судьи «не занимаетесь ли вы чем-то противоправным, как-то незаконный оборот наркотиков, участие в их распространении, сбыте» и его порой чересчур пристальные взгляды даже визуально напрягли свидетеля.

Кто-то из-за спины внятно и отчетливо произнес: «то, что случилось с Вовой, скоро ждет всех этих ребят. Они находятся на свободе только до момента, пока дают нужные показания, потом они уже будут не нужны...».

Если учесть, что «без какой-то надобности» в суд свидетель пришел в сопровождении сотрудника полиции, то какое-то рациональное зерно в этой реплике имеется.

Пистолет, пакет или... нет?!

А адвокаты продолжали бить по слабым местам в показаниях потерпевшего. Все чаще Шантин стал прятаться за сакраментальным «не помню», «не знаю», «не могу сказать». Не стыковки были достаточно серьезными даже для рядовых слушателей, которые не владеют всей полнотой рассматриваемого уголовного дела.

Например, в лес от кафе «Лабиринт» Шантина вывозили, как следует из протокола следствия, приставив в машине пистолет к ноге. О чем свидетель даже не вспомнил, неоднократно пояснив, что поехал добровольно, без угроз, не зная о последствиях. — А откуда это появилось в допросе?— строго спросил адвокат Егоров. После длительной паузы Шантин сообщил: — Не помню... Так, было такое или нет?! — настаивала на ответе защита. — На данный момент я не помню, так было или нет... Я не могу сказать..

- Откуда появилось это в протоколе, он вряд ли нам пояснит. Это вопрос к следователю... - неожиданно поддержал недоумение защиты судья.

Адвокаты удивлялись, как потерпевший не вспомнил про такое важное действие как «попытку его придушить» в салоне автомобиля с помощью полиэтиленового пакета. Вот пусть для сравнения каждый подумает, если вас пытались убить, и вы осознавали это именно как попытка убийства, да еще столь нетривиальным и жестоким образом как удушение пакетом на голове, запомнили бы вы это?! Думаю, даже уверен, что вопрос явно риторический. А вот потерпевший, переживший это впервые и единственный раз в своей жизни, не помнит... Странно, не правда ли?!

Каждый – сам по себе

«Забыл» Александр Шантин и другие подробности. Первоначально он показал, что передавал оставшуюся сумму «долга» в 43-45 тысяч рублей тремя частями по 10,15 и 18

тысяч рублей.

Но на проверку оказалось, что передавал он одним траншем всю сумму в 42 тысячи рублей, но взяв ее у трех разных человек. Восемь тысяч – у своей подруги, 15 тысяч – у мамы, и 19 тысяч ему отдал долг его друг Алексей. Причина столь разительной забывчивости лежит, как мне видится, на поверхности. Именно так попадают впросак те, кто заучил версию, не являющуюся реальной, но со временем подзабыл содержание тех или иных ключевых моментов. Допустим, то, что было три эпизода, Шантин помнит, но к чему они прилагаются – забыл! Вот и получается, что три долговых обязательства трансформировались в его голове в три встречи по передаче денег. Впрочем, я не настаиваю, память человеческая удивительная и фантастическая по своим возможностям и последствиям вещь...

Я так и не сумел уследить за судьбой и природой 8 тысяч рублей, которые то выбрасывали из окна с паспортом, браслетом и телефоном, то брались «вымогателями» прямо из квартиры, то брались в долг у сожительницы. Та же история – с золотым браслетом, с телефоном. То они оставались в кафе, то их завозили друзья на дом, то у каждой вещи появлялись свое место нахождение и своя судьба. Можно предположить, что биллинг телефона потерпевшего Шантина на день инкриминируемых событий проводился и по нему можно установить, где был телефон и куда он перемещался. Так вот, по-любому получается, что ни «в лес», ни «в кафе на Ермаке», ни «на дачу» телефон со своим хозяином не путешествовал. Так, может, и сам владелец там не был?!

Всё – «не столь очевидно»!

У Шантина с подсудимыми (не со всеми) было всего, как он утверждает, три встречи, но даже их он запомнил какими-то обрывочными фрагментами. Не помнит точно модели машин, на которых передвигались члены ОПГ за исключением уже набивших всем оскомину «Шевроле-Круз» и «ВАЗ» 12-ой или 15-ой модели.

На одной из встреч, где не передавались деньги и которая, вообще, случилась не

Автор: Administrator
08.03.2015 18:40

понятно зачем, Заза предложил Шантину... заняться продажей наркотиков по скайпу. В счет долга. При этом он, даже не зная еще ответ свидетеля, уже заранее назвал ему номер интернет-соединения. Странный «лидер ОПГ»... На прямой вопрос «было такое», свидетель отвечает... - «Что-то подобное было!» – Что значит, «подобное было», было или не было? – Я уже не помню...

Добавим сюда пертурбацию со штанами. Взамен испачканным кровью от раны на колене чистые брюки сбросила все та же сожительница. Даже не поинтересовавшись, зачем ее молодому человеку, который не приехал ночевать домой, понадобились новые штаны утром под окном! Сюрреализм какой-то... Переодевал штаны где-то на АЗС, не выходя из машины, куда дел штаны... не помнит. Как правильно подметила адвокат Ирина Юккерс, «а как с другой одеждой?». Судя по показаниям свидетеля, он был многократно избит, у него были «множественные кровавые потеки на шее, спине, груди», были «черные уши», «гематомы на лице», его мутузгали ногами, катали по полу.

- Вы вот попросили скинуть вам брюки, а как у вас обстояли дела с другой одеждой? Все нормально?

- Пятна были не столь очевидные...

Язык твой – враг твой!

Возможно, мне показалось, но и на этот раз свидетеля подвел язык. Точнее, своеобразный лексический запас и жестко соотносимая с этим ассоциативная память.

Сравнительно сразу стало очевидно, что отдельные слова и понятия свидетель просто не воспринимает. Видимо, в силу издержек образования и общего кругозора.

Про «суммарно» я уже упомянул. Затем Александр Шантин споткнулся на слове «ординарный», когда его спросили, насколько часто с ним такое случается:

- Это ординарное событие для Вас или неординарное?

- Я не понимаю...

«Солидарно» - опустим, как юридически окрашенный термин. А вот слово «компрометирующий» Шантин обязан знать. Ну, слово «компромат» сегодня достаточно часто употребляется везде. Даже в школе. Тем не менее, словосочетание «компрометирующие сведения» вызвали у свидетеля столбняк.

Но самое веселое произошло под занавес заседания, когда подсудимый Задворнов попросил свидетеля пояснить, что в его понимании означает слово «закладка».

- Ну, когда реализуют наркотики делают закладки, это когда наркотики оставляют в укромных местах... - начал объяснять сугубо специфический термин «не занимающийся противоправной деятельностью» Шантин.

Задворнов тут же напрямую обратился к суду – Ваша честь, а можно Вам вопрос: в Вашем понимании что такое закладка?!

- Это когда здание закладывают, или капсулу для потомков – мгновенно отреагировал судья Андрей Гужин.

- Вот это и говорит, кто, чем занимается, кто, что имеет в голове, так и воспринимает... - победоносно резюмировал «подсудимый из ОПГ».

- Понимание еще не значит причастность... - философски заметил судья. На этот раз Андрей Гужинев выступил уже в роли адвоката. Свидетеля.

P.S. Забыл упомянуть, что для меня до данного судебного заседания самое первое значение слова "закладка" было "нечто с помощью чего помечают в книге нужные страницы". Все течет, все меняется...

Принуждение к... миру

В финале адвокат Оксана Кобец вручила судье бумажное ходатайство защиты о том, что к следующему заседанию необходимо обеспечить явку всех недостающих свидетелей по уже разобранным эпизодам "потерпевших" граждан Ростова, Комшилова и Шантина. Председательствующий пообещал «заняться этим вопросом», а прокурор сообщила, что «на следующем заседании будет давать показания Владимир Дюков».

- Готовьтесь...

Александр Грасс